

С.Б. Крих

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

**Рец. на: Гордон А.В. Историки железного века.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.**

Аннотация. Автор рецензирует работу А.В. Гордона «Историки железного века», посвященную изучению вклада советских ученых в развитие исторической науки. Автор рассматривает подход А.В. Гордона к материалу, методологию и структуру труда, а также выделяет его особенности. Книга разделена на девять глав, в которых даны портреты десяти историков, изучавших Французскую революцию и следующую за ней эпоху, при этом судьбы этих советских историков показаны в самом тесном переплетении с судьбами России и прожитыми ею потрясениями. Книга А.В. Гордона отличается использованием редких и малоизвестных источников начиная от данных, хранящихся в Архиве РАН, и мемуаров и заканчивая сведениями из личного архива автора книги, а также его собственными воспоминаниями, так как он и сам является историком той же темы, тесно общавшимся с большинством из главных героев своей книги. Таким образом, сам автор является еще одним действующим лицом книги, и его портрет, пусть не обозначенный ни в оглавлении, ни каким-либо другим образом, точно так же ясно вырисовывается перед читателем, как и другие, которые он смог создать благодаря своему уникальному знанию материала, личной вовлеченности в эпоху и огромной эрудиции.

По мнению автора рецензии, главная причина убедительности книги А.В. Гордона как научного труда заключается в том, что он попытался найти неустойчивый, сложный, но увлекающий читателя баланс между двумя основными подходами к истории науки в современной отечественной традиции: антропологическим и концептуальным. В этом поиске баланса важен не сам факт соединения двух парадигм, а то, каким именно образом оно было осуществлено: антропологизируя концептуальную парадигму, А.В. Гордон остается на почве исследования исторической науки (главными героями его труда остаются идеи), но придает своему исследованию глубину и драматизм, которые оказываются возможными благодаря антропологическому анализу.

Ключевые слова: А.В. Гордон; советская историография; «Историки железного века».

**Крих Сергей Борисович – доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru**

S.B. Krikh. Testing by Time. Review of: Gordon A.V. Historians of the Iron Age. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 448 p.

Abstract. In the review, the author analyzes the book «Historians of the Iron Age» by A.V. Gordon, which is devoted to the study of the contribution of Soviet scholars to the development of historical scholarship. The author considers A.V. Gordon's approach to the material, methodology, and the structure of this book, as well as highlights its features. The book is divided into nine chapters, in which portraits of ten historians are given – those who studied the French Revolution and the next epoch in the history of France. The fates of these Soviet historians are shown in the closest intertwining with the fates of Soviet (and post-Soviet) Russia and the upheavals they have lived through. The book is distinguished by the use of rare and little-known sources, ranging from data stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences and memoirs to information from the personal archive of A.V. Gordon as well as his own memories, because he is a historian of the same field and closely communicated with most of the main heroes of his book. Thus, the author himself is another protagonist of the book, and his portrait, albeit not indicated either in the table of contents or in any other way, is just as clearly visible to the reader as the others, whom he was able to create thanks to his unique knowledge of the material, to his personal involvement in his time and to his great erudition.

According to the author of the review, the main reason for the persuasiveness of the book by A.V. Gordon as a research work consists in the fact that he tried to find an unstable, complex – but enticing for the reader – balance between the two main approaches to the history of science in the modern Russian tradition: anthropological and conceptual. In this search for balance not the fact of the connection of the two paradigms is important, but how exactly it was implemented: by anthropologizing the conceptual paradigm A.V. Gordon remains on the basis of the study of historical science (the main actors of his work are ideas), but at the same time gives his research depth and drama, which can be added through anthropological analysis.

Keywords: A.V. Gordon; Soviet Historiography; «Historians of the Iron Age».

**Krikh Sergey Borisovitch – Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Dostoevsky Omsk State University.
E-mail: krikh@rambler.ru**

Большинство историков, которым посвящена книга, специализировались по Франции, преимущественно эпохи Великой французской революции. И, казалось бы, легко решить, что данная работа – это маргиналии к другой, уже ставшей классикой современных историографических штудий монографии А.В. Гордона [Гордон 2009]. Действительно, для незнакомого с более ранней книгой многие сюжеты, рассказанные в новой, будут выглядеть менее объемными, а читатель, знакомый с ней, напротив, найдет множество точек совпадения и, конечно, отметит очевидную преемственность авторского под-

хода, выраженную в единстве теоретической базы («культура партийности»). Тем не менее новая книга – не повторение и не просто дополнение к предыдущей, она имеет собственный настрой, свою основную идею и задает особый угол зрения на проблему. Именно это делает разговор о ней, пусть и в форме краткого отзыва, полезным не только с точки зрения информирования об очередной новинке.

Поскольку сфера моих интересов последних лет тесно и даже почти исключительно связана с советской исторической наукой, то для меня главное в новой книге А.В. Гордона – постижение образа мыслей советских историков. За конкретными примерами жизни и творчества исследователей истории Франции (Фронда, Просвещение, Революция, Империя) автор предлагает нам увидеть общие черты нашего недавнего «железного века», преломленные в судьбах ученых. Ретроспектива событий, в основном научных, представленная в книге, и вправду охватывает почти столетие, и уж безо всяких оговорок – эпоху. От первой главы к последней рождается и гибнет советская система, и этот пульс времени чувствуется очень хорошо; это достоинство проявляется лишь тогда, когда советский период охватывается исследователем целиком, и теряется, если автор ограничивается только одним, скажем, довоенным этапом.

Для начала – о структуре книги. В книге девять глав, которые предлагают вниманию читателя десять портретов советских историков. Часть глав – переработанные очерки об отдельных историках, которые уже были опубликованы, часть – заново написанные; в том и в другом случае учитывалась новейшая литература, а кроме того, автор основательно проработал архивные материалы – там, где они в принципе существовали.

Об архивных материалах следует сказать отдельно. Если первые две главы, в которых рассказывается о Г.С. Фридлянде и Я.В. Старосельском, написаны с использованием данных Архива РАН и мемуаров и могут быть поданы как классический пример использования такого рода источников (причем, нужно сказать, без увлечения в сторону пересказа, которое так естественно для нашего свежего материал исследователя, но так безысходно для утомленного утратой сюжета читателя), то в последующих главах начинают со все большей силой работать личные архивы – архив Я.М. Захера, хранящийся у автора, и, наконец, личный архив самого А.В. Гордона, т.е. его переписка, интервью с родственниками или учениками историков, черновики работ, отзывы на диссертации. Автор пишет о тех, кого хорошо знал, о своих учителях и старших товарищах, и поэтому в естественном дополнении к документам архива использует буквально собственную память – откуда бы еще могли мы узнать его тогст на банкете в честь юбилея Б.Ф. Поршнева в 1965 г., характеризующий и юбиляра, и его окружение, и самого автора [Гордон 2018, с. 182]?!

Сам автор книги является одним из ее действующих лиц – его диссертационная защита, его научные труды, его взгляды стали неотъемлемой частью

советской историографии Французской революции; даже если это звучит пафосно, это неопровержимый факт. Конечно, сразу же закономерно возникает вопрос о том, насколько такая близость к материалу влияет на характер научного исследования, к которому безусловно относится книга?

Конечно, в некоторых местах остались следы соединения разных очерков – в наименее выраженной форме это небольшие повторы по тексту [ср.: Гордон 2018, с. 294 и 329], а в более значимом аспекте – пробелы в обычной информации. Прекрасно зная о том, что уже написано и что еще не написано о его героях, А.В. Гордон стремится не повторять «общеизвестных» фактов и поэтому часто оказывается так, что формальные детали карьеры или самые значимые перипетии жизни историков в лучшем случае бегло упомянуты в том или ином контексте. Так, читатель только случайно узнает, в каких учреждениях трудилось большинство героев книги. На мой взгляд, небольшая справка по каждому из них была бы совсем не лишней – написанная увлеченно и увлекательно книга будет полезной не только пресловутым «узким специалистам», но и студентам-историкам, которым такая краткая информация оказалась бы хорошим подспорьем и ориентиром. Ощущение некоторой структурной шероховатости оставляет глава о Фридлянде, где автор как бы пытается установить связующие нити с предшествующей монографией и одновременно избавиться от них.

Тем не менее за исключением таких деталей, перед нами полнокровное, насыщенное событиями исследование по той теме, в которой автор не просто разбирается, но имеет собственную точку зрения и свою, скажем так, исследовательскую историю. Соответственно, вопрос возвращается, хотя и несколько в иной ипостаси: насколько такое погружение в материал способствует, а насколько препятствует адекватной оценке качества его изучения?

Самый простой ответ на вопрос (а для него уже пришла пора) заключается в том, что все зависит от исследователя – и он столь же верен, сколь и бессодержателен. Кроме очевидных вещей – требования научности подхода, включающей взвешенность оценок и процедуры верификации материала – этот ответ нам ничего не дает. Но если попирается принцип научности, то плох любой исследователь – знакомый лично или нет со своими героями, обладающий собственной концепцией Французской революции или не сформулировавший оную. А что требуется еще? Исследовательский талант? Категория слишком размытая. Полтора века назад Э. Мейер иронично замечал, что когда победа войска объясняется тем, что его возглавлял великий полководец, а величие полководца иллюстрируется победами его войск, то такого рода вещи не следует считать научными открытиями.

На мой взгляд, одной из важнейших составляющих успеха или неуспеха историографической работы является избранный подход, который позволяет (или не позволяет) автору добиться нужного баланса между объективностью

и субъективностью, неохватностью материала и сравнительной узостью поставленных задач. С этой точки зрения книга об историках «железного века» являет собой интересный пример исследовательского решения поставленной проблемы, и это – главная причина, которая побудила меня написать о ней отзыв.

Вовсе не собираюсь утверждать, что книгу о советских историках великой революции нельзя написать в другом ключе – как раз можно, и несложно представить несколько основных вариантов такого написания. А.В. Гордон так характеризует свой подход: «Речь идет о создании портрета ученого в триединстве его жизненного пути, творчества и среды» [Гордон 2018, с. 6]. Я исходил и исхожу из того, что в реальности равновесие между всеми способами едва ли достижимо, и в итоге в творчестве историка науки торжествует один из них: для современной отечественной историографии поэтому было предложено выделить «концептуальный» и «антропологический» подходы. (Эта гипотеза породила, как выразился один из коллег, «вялотекущую дискуссию» [см.: Антощенко 2018; Базанов 2015; Крих, Метель 2014, 2016, 2018].)

Историографические работы А.В. Гордона, по этой классификации, явно и однозначно относятся к концептуализму. Ирония заключается в том, что А.В. Гордон совершенно не принимает ни такого разделения, ни самих определений, как раз полагая свой подход к истории науки антропологическим – коль скоро первостепенное внимание уделяется творческой личности. При этом расхождение в понимании содержания этих подходов, как позволила прояснить наша переписка, преимущественно терминологическое, и тем не менее авторская установка на антропологический метод – это не мелочь. Книга А.В. Гордона буквально является попыткой найти баланс между концептуализмом и антропологизмом, по моему мнению, через антропологизацию концептуального.

Анализ взглядов историков, а то и прямо подробный, качественный, пристальный разбор их трудов присутствует в книге всегда – в то время как детали жизненного пути могут, как мы видели, быть поданы одним-двумя штрихами. В этом есть свой резон, потому что А.В. Гордон прекрасно знает, какой труд лежит за созданием монографии или ответственным (в буквальном, а не формальном значении этого слова) редактированием сборника работ, какой бывает радость от выхода книги, и чем она может быть омрачена – и вот на этот определяющий фон он накладывает поиски своих героев. Их жизненный путь, по сути, – это не их положение в ученом сообществе (хотя ему уделяется достаточно внимания), не их беды и тяготы (годы в заключении описываются совсем кратко, в виктимизации историков книгу точно не обвинить), а их научное творчество, в котором каждый талантливый исследователь сильнее или слабее сталкивается с идеологическими ограничениями

своей эпохи (здесь тематика книги уже прямо смыкается с сюжетами предыдущей монографии).

Именно в эти моменты, когда А.В. Гордон выходит на тему «творчество историка – советский мир», он достигает наибольшей гармонии в описании, при которой все детали становятся на свое место и работают на создание полнокровного образа героя и эпохи. Неизгладимое впечатление производит глава, посвященная Б.Ф. Поршневу [Гордон 2018, с. 169–226]. Он показан как человек огромного дарования и научного азарта, которые как бы объективно отрывали его от коллег и противопоставляли им. Мне могут возразить, что (как это известно всем исследователям периода) Поршнев – удобная фигура для очерка о противоречиях развития советской науки на примере жизни крупного ученого, но ведь в книге нет повторения того, что уже раньше писалось о нем, а собственный взгляд А.В. Гордона и его выверенные оценки (не значит, что со всеми из них следует соглашаться) фундированы, опять же, не столько личным знакомством, сколько анализом работ.

Концептуален разбор сходства и различий во взглядах между Я.М. Захаром и В.М. Далиным, учитывающий и сферу научного творчества, и политические, и личные пристрастия [Гордон 2018, с. 286–287]. То же самое можно сказать о биографиях Наполеона, воссозданных Е.В. Тарле и А.З. Манфредом в пятой главе [Гордон 2018, с. 227–280]. В различии личностей этих выдающихся историков рельефно выступает различие этапов советского общества и эволюции собственно исторического знания. Здесь же дается версия ответа на вопрос о причинах пиетета к французскому императору в России вообще и в сталинский период в особенности.

Концептуальна колоритная параллель между научными личностями Б.Ф. Поршнева и его выдающегося оппонента С.Д. Сказкина, позволяющая автору затронуть тему неоднозначности академического «успеха по-советски». Один – академик, Герой Социалистического Труда, лауреат, руководитель кафедр, отделов, журналов. А другой мог противопоставить творческую реализацию и, подавленный уничтожением в издательстве своего главного труда, умирая, мог сказать, что, создав этот труд, «выполнил главное дело своей жизни» [Гордон 2018, с. 212]. Не менее интересна другая параллель (книга богата внутренними переключками): А.В. Гордон ненавязчиво, но отчетливо сопоставляет буквально сопротивляющуюся времени эволюцию С.Л. Сытина в годы перестройки с творческими поисками А.В. Адо, который как раз широко и самокритично пересматривал идейно-теоретические позиции советского прошлого.

Наконец, по книге рассеяны многочисленные интересные наблюдения, которые вроде бы не являются следствием изначального ее плана, но возникают при тщательной работе с материалом: анимистические элементы в революционном сознании [Гордон 2018, с. 85], роль академического начальства

в установлении правил посещения зарубежья [Гордон 2018, с. 143], параллельное использование и изживание революционной традиции советской властью [Гордон 2018, с. 252].

Соответственно, когда на почве анализа идей всходят побеги антропологического метода, в их разноцветье выявляется изначально заданная базовая цель – возможность личностной реализации ученого в условиях «железного века»; равно проступают и пределы такой реализации. Где бы еще, как не в личном письме, мог написать в 1962 г. В.С. Алексеев-Попов: «Я теперь исхожу не из мысли Маркса, а из фактов истории самой революции...» [Гордон 2018, с. 331], и этим исчерпывающе иллюстрируется ценность бумаг, сохраненных автором книги! Именно благодаря своему основному методу эта книга не переходит ни в мемуары, ни в собрание историй о прошлом.

Конечно, это не делает ее сугубо и отстраненно аналитической, не снимает боли по прошедшей эпохе – своей эпохе, неважно, что недоброй к своим сыновьям. Не убирает чувства недосказанности с теми, кто уже ушел навсегда, переживания за былые размолвки, которые теперь кажутся мелкими. Книга открывается знаменитыми строками Ф.И. Тютчева о том, что сочувствие дается нам как благодать, и А.В. Гордон сопереживает тем, о ком пишет, причем это личное, не книжное сопереживание. Чувствуется глубокая обида за то, как обошлась редакция издательства с последней книгой Я.М. Захера, за позднее одиночество профессора среди коллег [Гордон 2018, с. 127–133].

Изредка, но все-таки иногда это радение за своего героя несколько искажает перспективу, правда, не в отношении главной темы. На мой взгляд, А.В. Гордон преувеличивает эволюцию взглядов С.Л. Сытина в после- и постсоветский период [Гордон 2018, с. 371], по содержанию главы хорошо видно, что историк здесь едва успевал за самой историей, корректируя на ходу очевидно устаревавшие воззрения. Равным образом завышена и оригинальность педагогических размышлений С.Л. Сытина [Гордон 2018, с. 361–363], а то, что некоторые из этих идей до сих пор актуальны, объясняется не сытинским новаторством, а архаизацией современного российского образования.

С другой стороны, не следует считать, что такого рода «перехлесты» являются маркером неудачных мест произведения – ведь они открывают читателю еще одну из его сторон, эмоциональную, которая, вообще говоря, уместна в любой хорошей научной книге. Перед нами не в последнюю очередь размышление о времени, о выборе человека, который находится в его потоке, о личной ответственности и достоинстве.

Завершается книга строками А. Кушнера, который, «отвечая» Гесиоду, заметил: «Что ни век, то век железный». Поэт, стоявший у истока цивилизации, сказал в «Трудах и днях», что предпочел бы родиться ранее или позднее «железного поколения» (конечно, Гесиод не подразумевал никакого века

в смысле столетия). Поэт, живущий в пору, когда эта цивилизация давно миновала юность, а возможно, и зрелость, замечает уже иное:

Время – это испытанье.

Не завидуй никому.

Но нравственные уроки прочитанного – аспект, который безусловно выходит за рамки рецензии.

Библиография

Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения – 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 560–564.

Базанов М.А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метели // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63.

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 382 с.

Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.

Исаев Д.П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2017. № 2. С. 92–104.

Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

Крих С.Б., Метель О.В. Парадигмы или подходы? Ответ Д.П. Исаеву // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2018. № 1. С. 120–132.

Крих С.Б., Метель О.В. Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М.А. Базанову // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 195–199.

References

Antoshhenko A.V. Zachem izuchat' istoriografiju? Mavrodinskie chtenija – 2018. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 110-letiju so dnja rozhdenija professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina. Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. P. 560–564.

Bazanov M.A. Dve «paradigmy» i predmetnoe pole istoriograficheskikh issledovanij: zapozdalyj otvet S.B. Krihu i O.V. Meteli. Istoricheskaja jekspertiza. 2015. No 2 (3). P. 55–63.

Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 448 p.

Gordon A.V. Velikaja francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. Moscow: Nauka, 2009. 382 p.

Isaev D.P. K voprosu o paradigmah v istoriografii (po povodu odnoj diskussii). Novoe proshloe. Rostov-na-Donu, 2017. No 2. P. 92–104.

Krih S.B., Metel' O.V. Dve paradigmy v sovremennoj otechestvennoj istoriografii. Voprosy istorii. 2014. No 1. P. 159–166.

Krih S.B., Metel' O.V. Paradigmy ili podhody? Otvet D.P. Isaevu. Novoe proshloe. Rostov-na-Donu, 2018. No 1. P. 120–132.

Krih S.B., Metel' O.V. Snova o dvuh paradigmah: predvaritel'nyj otvet M.A. Bazanovu. Istoricheskaja jekspertiza. 2016. No 1. P. 195–199.